

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ
«РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕРБИИ. ПОРТРЕТЫ И СУДЬБЫ»:
«ПРАВОСЛАВИЕ: СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ
И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ»

Даниил Тимофеевич Бабошин

МГУ им. М. В. Ломоносова, студент. E-mail: baboshin2014@yandex.ru (1)

Анна Федоровна Макарова

МГУ им. М. В. Ломоносова, аспирант. E-mail: anna.fed.mak@gmail.com (2)

Екатерина Владимировна Подобуева

НИУ ВШЭ, студент. E-mail: katrin-arabesk@yandex.ru (3)

Кирилл Алексеевич Мартемьянов

НИУ ВШЭ, студент. E-mail: martemyanov1996@bk.ru (4)

Полина Александровна Блинникова

НИУ ВШЭ, студент. E-mail: polinablinnikova@mail.ru (5)

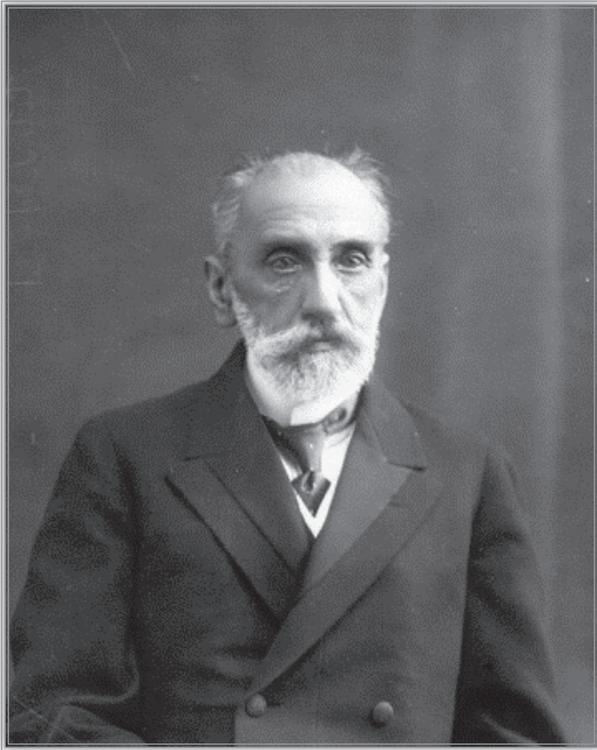
Мария Валентиновна Мироненко

НИУ ВШЭ, студент (6)

По итогам работы Летней школы участники представили два групповых проекта: «Русская эмиграция — следствие Гражданской войны» и «Православие: сохранение национальной и культурной идентичности русской эмиграции». Задачей участников круглого стола по второй теме стало изучение судеб шести русских эмигрантов, внесших значительный вклад в культуру Сербии.

Ключевые слова: П. А. Кулаковский, Г. С. Петров, Е. В. Спекторский, Н. О. Лосский, Е. В. Аничков, В. В. Зеньковский.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-1-65-89

Платон Андреевич Кулаковский
(1848–1913) — ученый-славист,
писатель, общественный деятель,
брат известного филолога
Юлиана Кулаковского

1. Научная и общественная деятельность П. А. Кулаковского в Сербии

В дневнике П. А. Кулаковский признавался: «Я писал лишь горькую и больную правду о Сербии, писал с болью сердца и любовью к этому народу...» (цит. по: Шемякин, 2014: 108)¹. Противоречивое отношение русского ученого-слависта объясняется тем сложным для обеих стран временем, в которое он стремился поддерживать культурные, общественные и научные связи двух народов.

В 1878 г. по просьбе Алимпие Василевича, министра просвещения и церковных дел в сербском правительстве, Кулаковский — тогда еще преподаватель IV Московской гимназии и выпускник Московского университета — занял основанную в Великой школе (с 1905 г. Белградский университет — крупнейший в Сербии) кафедру русского языка и литературы. Тут же по приезде он

начал записывать в дневник впечатления от пребывания в Белграде, ежегодно представлял отчеты в МИД Российской империи, работал сербским корреспондентом для таких периодических изданий, как «Московские ведомости» и «Русский вестник» (издатель и редактор М. Н. Катков), «Новое время» (А. С. Суворин), «Русь» (И. С. Аксаков) и «Журнал министерства народного просвещения» (Е. М. Феокистов). Столь различные по своей природе материалы (личные записи и письма друзьям, не предназначенные для чтения сторонними лицами, официальные отчеты и газетные статьи) — крайне богатый источник для полноценного знакомства как с положением Сербии в те годы, так и со взглядами самого московского профессора. Остается лишь удивляться, почему еще не было предпринято попытки всестороннего исследования его деятельности.

Преподавательская работа Кулаковского начинается прочтением вступительной лекции «Краткий очерк развития русского литературного языка». В ней профессор говорит о том, что для него честь положить начало преподаванию русского языка в Великой школе свободной Сербии и что он сделает все, что

¹ В цитируемом источнике опубликованы дневник П. А. Кулаковского, «Неопубликованная статья о партийной жизни в Сербии» и письма к разным лицам. — Прим. ред.

в его силах, чтобы принести максимальную пользу сербской молодежи. В лекции Кулаковский дает общий обзор развития русской словесности с древнейших времен. Чуть позже лекция была переведена самим ученым на сербский язык и выпущена в Белграде отдельной брошюрой (Данченко, 1989: 77).

Педагогический метод Кулаковского не ограничивался чтением лекций. Вместе со студентами он переводил на сербский язык произведения русской литературы, в частности повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Подобная деятельность отвечала объективной потребности развития сербской культуры, а именно знакомству сербских студентов и ученых с достижениями русской литературы и науки.

Но не все было просто. В дневнике Кулаковский писал, что для успешного распространения русского языка в Сербии «нужна кропотливая, систематическая, трудная, черновая работа» (цит. по: Шемякин, 2014: 78–79). А условия, в которых ему приходилось так усердно работать, были нелегкими. В частности, не имелось необходимых учебников и книг на русском языке. Для студентов профессору пришлось самостоятельно подготовить небольшую хрестоматию «Руска читанка». В ней он поместил отрывки из лучших произведений русской литературы. Приведем слова самого Кулаковского из письма Аксакову от 2 февраля 1879 г.: «Теперь уже печатается русская “Хрестоматия”, составленная мною, которая при здешней дешевизне печати будет стоить не более 1 динара, т.е. франка, а книга будет листов в 8 печатных. Учащаяся молодежь сербская — очень бедна, да и вообще дети в сербской семье не пользуются уходом и заботой старших... Такая самостоятельность юноши, кажется, здесь в нравах. Следовательно, книга, стоящая два или три франка, во всяком случае будет слишком дорога, между тем как здесь свою они будут иметь за один франк» (цит. по: Шемякин, 2014: 121).

Громадных усилий стоило Кулаковскому и открытие русской библиотеки в Белграде. Студенты то и дело обращались к профессору с просьбами о выписке русских книг и журналов. Несмотря на все хлопоты, обращения в Петербургское славянское благотворительное общество, письма к влиятельным друзьям открыть отдельную библиотеку не получилось. Но Кулаковский все равно не отказался от своих планов и решил создать книжное отделение при белградской читальне, что нашло поддержку у Петербургского славянского общества. Вскоре из Петербурга в белградскую читальню были присланы 67 экземпляров книг 42 названий (Данченко, 1989: 80). Кроме того, были посланы в дар более 300 русских книг для студенческой и профессорской библиотек Великой школы.

Будучи исключительно талантливым и требовательным педагогом, Кулаковский стремился, чтобы его студенты не только говорили и писали по-русски, но еще и полюбили русскую культуру и литературу. В. И. Ламанскому 18 марта 1881 г. он писал: «Мои студенты охотно учатся русскому языку, лекции по исто-

рии новой русской литературы слушаются очень внимательно, многие студенты занимаются переводами с русского для печати, и их студенческий журнал “По-братимство” пополняется по преимуществу переводами с русского... Нет сомнения, что влияние нашей литературы и науки увеличивается, а молодежь мечтает, окончивши курс, ехать в Россию для изучения истории, языка и литературы славянской» (Шемякин, 2014: 176). Кстати, многих сербских студентов Кулаковский снабжал рекомендациями для поступления в российские университеты.

Однако Кулаковский не ограничивал себя лишь педагогической деятельностью. С первых дней пребывания в сербской столице он установил обширные связи среди сербской интеллигенции и политических деятелей. Московский профессор активно участвовал в бурной общественной жизни страны, совсем недавно обретшей независимость.

В октябре 1880 г. к власти в Сербии вместо русофилов-либералов пришли австрофилы-напредняки (сторонники Сербской прогрессивной партии, одной из наиболее важных политических сил Сербии до Первой мировой войны), поддерживаемые князем Миланом Обреновичем. Начинается постепенное, но явное охлаждение в отношениях с Россией и сближение с австро-венгерским правительством. Под угрозу попадают не только дипломатические связи между двумя странами, но и русский язык в Сербии, да и сама сербская культура, что было замечено Кулаковским в письме Аксакову от 12 февраля 1879 г.: «Книги, идущие из Сербии в Австрию для продажи, тоже обложены податью... Это должно возвысить цену сербских книг в Австрии, уменьшить их сбыт в славянских областях Австрии... Мысль австрийских правителей понятна — они боятся влияния сербов Княжества на австрийских сербов, особенно в Боснии и Герцеговине, где теперь скупаются ловкими руками земли у спахийев: босняки сделаются австрийской райей, как словаки» (Шемякин, 2014: 120).

Важно сказать хотя бы несколько слов о политических воззрениях Кулаковского. Будучи умеренным консерватором, он еще в юношестве испытал влияние славянофильства, в частности Аксакова. Однако в отличие от многих славянофилов он никогда не идеализировал славянские народы и всегда относился с изрядной долей скепсиса к так называемому славянолюбию. Не скрывая симпатий к сербскому народу и близко принимая к сердцу политические ошибки, допускаемые властью, он стремился сообщать о происходящих в стране событиях объективно. В письме к В. В. Макушеву от 6 июля 1882 г. он писал: «...грустную картину являет собой Сербия. Нет сомнения, что здравый смысл и инстинкт умного сербского народа спасет страну, но дело едва ли обойдется без революции и крови — уже слишком много зла посеяно в этой земле европействующей интеллигенцией, холопствующей перед красивыми словами либерализма, лишённого содержания. Мне искренно и глубоко жаль Сербии и этого народа» (Там же: 186). И ведь как в воду глядел —

уже в октябре 1883 г. в Сербском королевстве вспыхнуло Тимокское восстание, которое позже жестоко подавили правительственные войска.

Одной из причин политической неразберихи, которую отразил на страницах дневника и газетных статей Кулаковский, были беспощадные и подчас бессмысленные распри новорожденных сербских партий. Жесткий антагонизм, доходивший порой до явных зверств и подлых интриг, был свойствен политической жизни независимой Сербии тех лет. Партии в борьбе между собой не считались со средствами, а их участники варились в собственном соку и были отгорожены от оппонентов непроницаемыми предрассудками и ненавистью (Шемякин, 2013). Самое страшное — такие отношения из политики начали переходить в повседневную жизнь, что и зафиксировал Кулаковский: «Здесь теперь господствует политика. Все ей покорено». Даже «в гимназиях нет дисциплины, учащаяся молодежь не ходит на уроки, а бегаёт на скупщину и, сидя в кафанах, читает газеты» (Шемякин, 2014: 145).

Рассказывая в неопубликованной статье о разделении сербской элиты на две партии (либералов и консерваторов), Кулаковский отмечал: «Эти названия в сущности не дают надлежащей характеристики этим партиям, ибо обе имеют своих партизанов и в простом народе, и сербский либерал готов говорить о необходимости строгого режима, а сербский консерватор — защищать новые свободные учреждения» (Там же: 111). Но даже не эта путаница возмущала Кулаковского. По его мнению, партийные склоки были «помехой для развития Сербии».

Другой помехой была австрофильская направленность политической элиты Сербии, противоречащая надеждам сербского народа на сближение с Россией. Несправедливые торговые договоры, строительство железной дороги французской компанией, связанной с правительством Австро-Венгрии, внешнеполитическая зависимость от императора Франца Иосифа — все это подвергалось резкому осуждению русского ученого, которое он не стеснялся высказывать высокопоставленным государственным чиновникам.

Ошибки российской дипломатии, ее излишнюю осторожность московский профессор тоже бичевал нещадно: «Вы спросите, что делают наши дипломаты? Они пишут депеши, что считается величайшей мудростью... Плана у нас нет, цели у нас не узнаны, не определены: в этом беда. Австрия берет нахальством и дерзостью, России помогает лишь народная вера в нее, скажу прямо, вера, которой мы, пожалуй, не достойны» (Там же: 168).

В 1882 г. закончилась вторая и последняя командировка Кулаковского в Сербию. По ее итогам он был награжден орденом Станислава II степени. Высоко оценивали его деятельность и в Сербии. Но замену ему на кафедре так и не нашли. После его отъезда преподавание русского языка и литературы в Великой школе было прекращено более чем на десять лет. Однако именно благодаря Кулаковско-

му сербская молодежь осознала важность изучения русской литературы и науки. А сам ученый давал следующую оценку своей работе: «Я думаю, что я успел по крайней мере посеять семена, которые начнут вырастать скоро. В последнее время еще больше замечал рост этих семян» (Там же: 187).

Литература

- Данченко С. И. (1989) Русско-сербские общественные связи. 70–80-е годы XIX в. М.: Наука.
- Данченко С. И. (2014) К вопросу о публицистической деятельности П. А. Кулаковского // Славяне и Россия. № 1. С. 184–186.
- Шемякин А. Л. (2013) Московский профессор о независимой Сербии // Родина. № 12. С. 47–52.
- Шемякин А. Л. (сост.) (2014) Русские о Сербии и сербах. Том II (архивные свидетельства). М.: Индрик.

2. Г. С. Петров — русский проповедник в Сербии

Второй герой нашего обзорного исследования, непосредственно связанный с православием (как мы видим по облачению на фото), — Григорий Спиридонович Петров. Он родился 26 января 1866 г. в Ямбурге (ныне Кингисепп) и был незнатного происхождения: Максим Горький, хорошо знавший Петрова, писал о его детских годах так: «сын кабатчика или буфетчика, и в детстве ничего, кроме матерщины, не слышал, ничего, кроме пьяных, не видел» (цит. по: Балухатый, 1937: 27).

Свое образование Петров начал в Нарвской гимназии, потом, переехав в Петербург, окончил здесь сначала духовную семинарию, а вслед за этим, в 1891 г. — духовную академию. Став священником, он избрал преподавательское поприще, его лекции звучали в Михайловском артиллерийском училище, Пажеском корпусе, Александровском лицее, Политехническом институте, нескольких петербургских гимназиях. Молодой талантливый священник постепенно стал популярным столичным проповедником.

Личность Григория Петрова особо оценена философом В. В. Розановым, который писал в статье «Народные чтения в Петербурге»: «Образованный, просвещенный, и притом европейским просвещением, а не одною академическою схоластикой, он имел мужество убрать из своих тем, из своих оборотов речи все “интеллигентное”, все сколько-нибудь затруднительное для понимания простецов <...> священник Петров — любимейший в Петербурге проповедник, любимый и черным народом, и собирающий огромную образованную, даже частью ученую и литературную толпу <...> Быть христианином — для священника Петрова и значит, как бы идя посреди улицы народной, направо и налево кидать мешочки с добром» (Розанов, 1995: 303–304). На одной из лекций Петрова по-

бывал даже министр финансов России граф С. Ю. Витте: «Это, — писал он, — положительно одна из самых лучших лекций, которую я когда-нибудь в жизни слушал» (Витте, 1960: 82).

Другое воспоминание В. В. Розанова свидетельствует о популярности не только самого священника, но и его книг: «Один мой родственник, приезжавший из провинции, сказал мне: “Я устал возить на родину тюки его книг: так велико и непрерывно требование”. Можно без преувеличения сказать, что вовсе не Толстой и Максим Горький одни царят на книжном рынке, но и священник Петров — любимейший в Петербурге проповедник, любимый и черным народом...» (Розанов, 1995: 304).

В 1898 г. вышла книга Петрова «Евангелие как основа жизни», снискавшая большую славу (в России была переиздана 20 раз и переведена на многие языки). С этого сочинения, якобы имевшего «протестантский дух», начался конфликт священника с официальной церковью, приведший в конце концов к лишению его сана в 1908 г.

Петров вел и активную общественно-политическую деятельность: был редактором газеты «Правда Божия», в 1907 г. был избран депутатом 2-й Государственной думы по списку Конституционно-демократической партии.

В 1907 г. за критическое письмо митрополиту Антонию запрещен в служении и направлен на послушание в Черемнецкий монастырь. В 1908 г. лишен сана, из-за чего не мог жить в Санкт-Петербурге, и ездил с лекциями по стране. С 1908 г. Петров жил в Финляндии, потом в Крыму, много ездил по России с лекциями и проповедями, параллельно активно печатаясь в «Русском слове». Петров эмигрировал в конце 1920 г., когда белые

Ок. 1905 г. Свящ. Григорий Петров.
Родина, 2002, №2.

Григорий Спиридонович Петров (1866–1925) — священник Русской православной церкви (лишен сана в 1908 г.), проповедник, общественный деятель, публицист. Участник «Братства ревнителей церковного обновления», сотрудник газет «Русское слово», «Правда Божия», депутат 2-й Государственной думы по списку Конституционно-демократической партии. С 1920 г. вел общественную деятельность в эмиграции в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, а также в Болгарии (Третьем болгарском царстве)

войска покидали Крым. На пароходе он доплыл до Константинополя, потом попал в лагерь беженцев в Галлиполи, а затем — в Триест. Из Триеста Петров был приглашен правительством Югославии в Белград, где и начался интересующий нас период его жизни и творчества — югославская эмиграция.

В открытке, отправленной Петровым жене в Нарву, читаем: «Зинуля, около 1-го января 1921 г. приехал в Белград нищим, без денег, без белья, в рваных сапогах. 26 янв. 1921 читал по-русски 1-ую лекцию во 2 гимназии. Добыл 300 динар и с того пошел в люди» (Витухновская, 2004: 14). С этого начался новый виток жизни Григория Петрова: теперь он адресовал свои лекции, статьи, книги сербам, болгарам и другим народам принявшего его региона.

Конечно, в эмиграции Петров не мог не размышлять о причинах Октябрьской революции, о победе большевиков, и его мысли развивались в одном ключе с отечественными религиозными философами — например, с Н. А. Бердяевым: Петров считал большевизм следствием болезни души народа, в статье «Корни болезни» назвал его «злокачественной сыпью» (цит. по: Витухновская, 2004: 15) — а как известно, сыпь лишь сигнализирует о серьезном сбое в организме и о необходимости глубокого лечения. Бердяев же в статье «Религиозные основы большевизма» писал, что «большевизм есть русское, национальное явление, это — наша национальная болезнь» (Бердяев, 2007: 598). Даже будучи отчужден от исторической жизни Родины, Петров никогда не покидал ее духовно, посвящая статьи (уже на сербском языке) российской проблематике.

Григорий Петров прожил в эмиграции немногим более четырех лет, которые провел в многочисленных поездках по Югославии (за это время от прочел около полутора тысяч (!) лекций — сначала на русском, потом на сербском языке). Залы, где читались лекции Петрова, по свидетельствам современников, всегда были переполнены. Кроме того, Петров вел активную публицистическую деятельность — в сербских архивах и библиотеках хранятся его многочисленные статьи на сербском языке, среди них — «Руска уметност», «Душа рускога народа», «Црни Мојсије», «Почетак мудрости», «Човек и живот» и мн. др.

Особое внимание стоит обратить на книгу Григория Петрова «Зидари живота» («Созидатели жизни»), которая и сегодня имеет большую популярность — например, в Турции, где в 1920–1930-е гг. она была поистине культовой и одной из самых читаемых. Петров написал ее в 1923 г., а в 1925-м она была переведена на болгарский язык под названием «В страната на белите лилии» («В стране белых лилий»), и именно это название закрепилось в переводах на другие языки. Популярность Григория Петрова вновь росла: Дино Божков, болгарский друг Григория Петрова, вспоминал, что в 1926 г. в стране была создана культурно-общественная группа «Григорий Петров», в уставе которой значилось, что своей задачей она считает распространение и воплощение идей Петрова (в первую оче-

редь, вероятно, идеи созидания жизни, описанные в книге о Финляндии). Книга «В стране белых лилий» переиздавалась в Болгарии 14 раз; в Турции же она была переиздана как минимум 16 раз. В предисловии к одному из изданий говорится, что «В стране белых лилий» — наиболее читаемая в Турции книга на новотурецком языке (Витухновская, 2004: 33). Как сообщила исследователь творчества Петрова М. Г. Витухновская, книга «В стране белых лилий» вновь переиздана в Турции в 2019 г.

Петров описывал «мифическую» Финляндию, модель ее политического, экономического, общественного устройства, процесс создания финнами благополучной страны «на камнях и болотах». В книге немало вымысла, работающего на основную идею Петрова: прославить самозабвенный труд чистых сердцем граждан во благо Родины, показать, что даже в тяжелых климатических, геополитических условиях дух созидания может сотворить чудо и изменить облик страны. Финляндия послужила лишь примером, поводом для вдохновенной мечты Григория Петрова о национальном возрождении и устройстве жизни народа.

Григорий Спиридонович Петров скончался 18 июня 1925 г. в клинике *Maison de Sante*, недалеко от Парижа, где у него обнаружили раковую опухоль. Прах Петрова был перевезен из Франции в Сербию, а позже вторично перевезен дочерью Мариной Григорьевной в Мюнхен, где и находится по сей день. Сердце проповедника Григория Петрова было обращено к тому народу, среди которого он оказывался и которому служил — русскому, сербскому, болгарскому. Его проповедь о созидании жизни остается важнейшей для всех стран; чаемое Петровым возрождение России как страны труда, учения, воспитания, полноты и устроенности жизни, очевидно, не произошло. Петров не увидел своеобразный советский опыт устройства страны — вполне вероятно, что, вслед за Бердяевым, он мог бы порадоваться за выход из неистовства революционной эпохи разрушений и низвержений; впрочем, мог и отвернуться от «ложного» возрождения. Как бы то ни было, наследие русского эмигранта в Сербии Григория Спиридоновича Петрова останется читаемым, а он — почитаемым.

Литература

- Балухатый С. Д.* (ред.) (1937) М. Горький и А. Чехов: Переписка, статьи и высказывания. М.: Академия наук СССР. Институт литературы; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Бердяев Н. А.* (2007) Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. М.: Астрель.
- Витте С. Ю.* (1960) Воспоминания. Т. 1. М.: Соцэкгиз.
- Витухновская М. Г.* (2004) О Григории Петрове // *Петров Г. С.* Финляндия, страна белых лилий. СПб.: Европейский дом. С. 7–17.
- Розанов В. В.* (1995) Около церковных стен // *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Т. 5. М.: Республика.

3. Е. В. Спекторский о русской культуре (белградский период творчества)

Рассмотрение темы белградского периода творчества Е. В. Спекторского необходимо начать с нескольких замечаний относительно деятельности философа до эмиграции. Став в 1913 г. профессором Университета св. Владимира в Киеве, в 1917-м он получил степень доктора в области государственного права в Московском университете, а уже через год, в 1918-м, стал ректором Киевского университета и главой Киевского философского общества. Таким образом, в Белград в 1920 г. Спекторский прибыл уже состоявшимся ученым в области права и социальной философии, что послужило гарантией успешного трудоустройства на новом месте. Образовавшемуся в 1918 г. Королевству Сербов, Хорватов и Словенцев были необходимы грамотные специалисты в области права, а также преподаватели для все более увеличивающегося числа студентов в КСХС (Михальченко, Ткаченко, 2009: 15).

Белградский период творчества Спекторского можно условно разделить на два этапа: с 1920 по 1924 и с 1928 по 1930 гг. Однако несмотря на то, что время пребывания Спекторского в Белграде ограничено двумя временными отрезками, его творческое взаимодействие с Сербией оказалось намного более долгим и значительным. Так, даже во время пребывания в Праге в 1924–1928 гг. некоторые произведения Спекторского печатались в Белграде (например, книга «Начала науки о государстве и обществе»). В 1934 г. он был избран членом-корреспондентом Сербской Королевской академии наук.

В 1920 г. Спекторский поступил на службу в Белградский университет в качестве «гонорарного профессора» на кафедре истории философии права (Там же). Однако он не только занимался преподавательской деятельностью, но и уделял внимание вопросам, связанным с русской культурой, в первую очередь посредством участия в различных общественных организациях русских эмигрантов: «Русская мятица», «Общество русских ученых» и «Русский научный институт». В нынешнем контексте нас главным образом интересует деятельность Спекторского в рамках двух последних организаций.

«Общество русских ученых» было образовано в апреле 1920 г., а уже через месяц Спекторский стал его председателем. Как отмечают С. И. Михальченко и Е. В. Ткаченко в статье, посвященной жизни Спекторского в эмиграции, хотя у данной организации не было сильных рычагов влияния, сам Спекторский «вскоре стал восприниматься как человек, могущий помочь в устройстве судеб преподавателей и студентов» (Там же: 16). «Общество русских ученых» стало важнейшей объединительной организацией для русских эмигрантов в Сербии и служило островком русской культуры за рубежом.

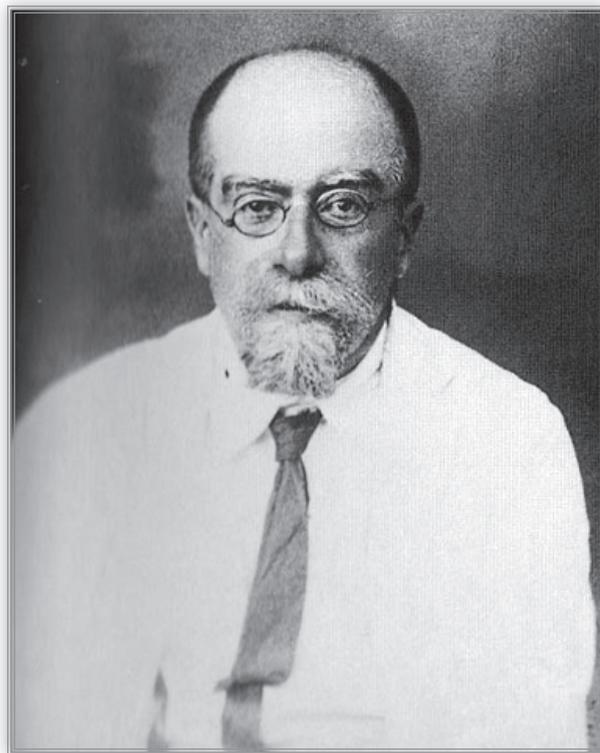
В 1924 г. Спекторский покинул Белград и переехал в Прагу, где в то время проходила «Русская акция», в ходе которой предоставлялась помощь русским эми-

грантам. Однако уже в 1928 г. ситуация в Праге ухудшилась: «Русская акция» стала сворачиваться, а студентов на русском юридическом факультете права, где преподавал Спекторский, становилось все меньше и меньше. И в этом же году Спекторский возвратился в Белград.

Осмелимся предположить, что поворотом Спекторского к области изучения русской культуры стала публикация в 1925 г. его книги под названием «Христианство и культура», вызвавшей неоднозначную реакцию современников. Например, В. В. Зеньковский назвал ее «малоценной» (Зеньковский, 1999: 527), а Н. О. Лосский (Лосский, 1991: 387) и И. А. Ильин (Ильин, 1993: 292) высоко оценили. Именно после публикации «Христианства и культуры» из-под пера историка и философа права начинают выходить такие труды, как «Св. Владимир и русская культура», «Своеобразие крещения Руси», «Заветы Пушкина» и пр. Все вышеперечисленные тексты так или иначе связаны с Белградским периодом творчества Спекторского.

Кроме того, с возвращением в 1928 г. в Белград Спекторский начал принимать активное участие в создании «Русского научного института», который возглавлял до 1930 г. Деятельность института была направлена на изучение истории России, а также на разработку научных проблем с использованием русских традиций (Михальченко, Ткаченко, 2009: 18). Спекторский лично занимался приглашением И. А. Бунина в качестве лектора в институт, но, к сожалению, сотрудничество не состоялось (Бакунцев, Морозов, 2018: 298–315). В институте также издавался журнал «Записки», в котором публиковались русские ученые-эмигранты.

Интересно также отметить важнейший неопубликованный источник — «Воспоминания», которые представляются необходимыми для изучения творчества Спекторского, в том числе белградского периода. Данная рукопись долгое время считалась утерянной при бегстве Спекторского из Любляны. Однако текст сохранен учеником Спекторского В. Боначем (Михальченко, 2013: 245). Рукопись рассказывает о периоде жизни философа до 1930 г. К сожалению, текст отсутству-

Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951) — правовед, социальный философ, занимавший руководящие должности в различных университетах

ет в свободном доступе. Однако, обращаясь к некоторым косвенным источникам, мы можем ознакомиться с частичным содержанием мемуаров. Так, в статье С. И. Михальченко «“Воспоминания” Е. В. Спекторского о религиозной жизни южных славян 1920–1930-х годов» приводятся фрагменты, которые затрагивают трудности жизни русских эмигрантов за рубежом, в частности прослеживается проблематика столкновения двух культур: русской и югославской.

Таким образом, оба белградских периода для Спекторского были ознаменованы обращением его творчества к вопросам русской культуры, которые, что примечательно, в более ранних работах так остро и четко не прослеживаются. Причины, вероятно, кроются в живой необходимости преодоления разрыва с Родиной через обращение к тому, что непосредственно имеет с ней самую крепкую и сильную связь, — к культуре.

Литература

- Бакунцев А. В., Морозов С. Н. (2018) И. А. Бунин и Е. В. Спекторский: переписка (1928–1933) // *Studia Litterarum*. Т. 3. № 4.
- Зеньковский В. В. (1999) *История русской философии*. Т. II. М.; Ростов-на-Дону: Феникс.
- Ильин И. А. (1993) *Основы христианской культуры* // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 тт. М.: Русская книга. Т. 1.
- Лосский Н. О. (1991) *История русской философии*. М.: Советский писатель.
- Михальченко С. И. (2013) Неопубликованные «Воспоминания» Е. В. Спекторского как источник по истории русской эмиграции в Чехословакии середины 1920-х гг. // *Актуальные проблемы источниковедения: материалы междунар. науч.-практ. конф. к 135-летию со дня рождения В. И. Пичеты*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова.
- Михальченко С. И., Ткаченко Е. В. (2009) Е. В. Спекторский в эмиграции // *Славяноведение*. № 1.

4. Сознание и тело в свете философской психологии Н. О. Лосского

Николай Онуфриевич Лосский входил в число тех «звезд» русской философии, которые оказались в эмиграции. Он покинул Россию в 1922 г. и поселился в Праге, тогдашней столице Чехословакии. Чехословацкое правительство выделило большую сумму на поддержку русских эмигрантов, и Лосский оказался одним из тех, кто этим воспользовался. И хотя он жил и преподавал в Праге следующие 20 лет жизни, до 1942 г., он довольно часто находился по несколько месяцев в других странах в качестве приглашенного профессора, не говоря уже о менее длительных поездках, связанных с конференциями, съездами ученых и чем-то подобным.

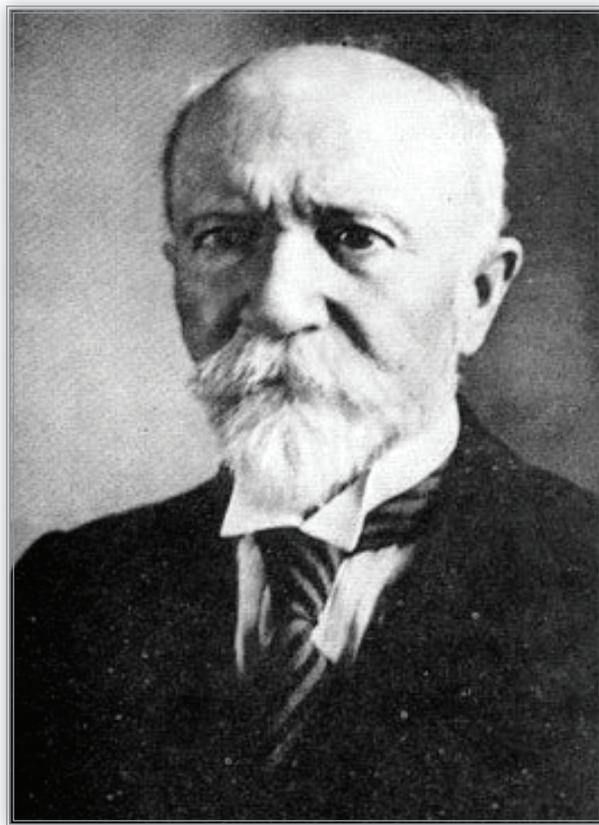
Осенью 1928 г. Лосский впервые (с начала эмиграции) посещает Белград, где в это время работал Съезд русских ученых-эмигрантов. Современный исследователь русской эмиграции Алексей Арсеньев отмечает, что подобные съезды до

Белграда проходили трижды, но только в Белграде съезд перешел от организационных обсуждений к собственно научным: было прочитано более 100 докладов. После съезда Лосский по приглашению Русского научного института остался в Белграде еще на четыре месяца, чтобы прочитать курс «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция». Кроме того, в этот период он возглавлял философское отделение института. Здесь Лосский общается с Е. В. Спекторским, П. Б. Струве и др. Статья «Психология человеческого “я” и психология человеческого тела» напечатана в последнем (17-м) выпуске журнала «Записки русского научного института в Белграде» в 1941 г.

В качестве своеобразного эпиграфа к своему тексту я взял бы слова апостола Павла из Послания к римлянам, выражающие, если можно так сказать, психологическое наблюдение: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я то делаю, но живущий во мне грех» (Рим. 7:19, 20). В указанной статье Лосского как раз интересует напряжение между двумя полюсами внутренней жизни: с одной стороны, осознанной волей, которая накрепко связана с человеческим «я», и, с другой стороны, теми желаниями, побуждениями, которые, возникая без участия нашей воли, противостоят ей и, следовательно, нашему «я». Если первый полюс можно обозначить как «внутреннее “я”», имея в виду сознательную деятельность воли, то второй полюс можно назвать «телесностью», подразумевая под ней отчасти неконтролируемый (т. е. не вызываемый сознательной волей) процесс продуцирования желаний.

Для Лосского психология и психотерапия — это не разные науки, психотерапию он понимает довольно просто — как практическое применение принципов, выработанных на теоретическом базисе психологии. Однако в силу того, что, как мы увидим, концепция психологии Лосского невозможна без его же философской системы, можно говорить о философской психологии.

Цель Лосского — выработать методы общей психотерапии, основанные на его религиозно-философской системе персонализма. Поэтому следует вкратце напом-

Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) — русский религиозный философ, один из основоположников отечественной ветви интуитивизма

нить об основных чертах этой системы. В основе персонализма, разрабатываемого Лосским лежит положение, что весь мир состоит из субстанциальных деятелей и все внешние (т. е. наблюдаемые) процессы — от движения неодушевленных вещей до действий человека — есть проявления этих деятелей. Чтобы понять необычность такого взгляда, можно сравнить его с кантианским воззрением на природу. В самом общем смысле, по Канту, природа есть совокупность явлений, подчиненная строгим законам. То есть условием возможности всякого движения, наблюдаемого во внешнем мире, являются безличные законы (Кант, 1994: 332–333). Для Лосского это не так. Главный принцип его персонализма гласит: если есть действие, есть и деятель как особое существо, чье стремление является определяющим условием действия.

Главная особенность этого учения состоит в том, что оно устраняет различие между органической и неорганической природой. То есть, к примеру, если есть падение камня, то ему предшествуют и его определяют «психоидные стремления каждой частицы камня к массе земли»; если имеет место отторжение от себя какого-либо неприятно пахнущего предмета, то оно есть внешнее проявление психического состояния, называемого отвращением. Сразу скажу, что понятие психоидного в сущности аналогично понятию психического с той разницей, что стремлениями психоидными, по Лосскому, обладают все формы бытия, еще не достигшие уровня личности. «С этой точки зрения, — пишет Лосский, — всякий материальный процесс — *психоматериальный*, или, во всяком случае, *психоидно-материальный*. Психический и психоидный процессы — не пассивная надстройка над материальными процессами, а существенное условие материальных процессов возможного бытия; они его направляют, т. е. определяют его направление, состав, смысл и цель» (Лосский, 1991: 294).

Для нашей темы особенно важна мысль Лосского о необходимости союза между субстанциальными деятелями на уровне существования одной личности в полноте ее реализации. Речь идет о союзе человеческого «я» и тела. Ибо без помощи тела личность, очевидно, не может проявлять себя в физическом мире, она отрезана от него. Как же Лосский понимает тело? Оно есть «совокупность субстанциальных деятелей, вступивших в союз с человеческим “я” и подчиненных ему», «система союзников нашего “я”». Речь, разумеется, идет о здоровом состоянии человека. То есть тело для Лосского — не картезианская протяженность, лишенная, в силу своей одномерности, внутренней жизни и подчиненная исключительно механическим законам. Это совокупность существ, имеющих иногда хоть и примитивные, но все же внутренние, психоидные стремления, следствиями которых являются телесные процессы.

По какому принципу Лосский разграничивает эти сферы человеческого существования? К проявлениям «я» можно отнести лишь те виды активности, в которых «я» осознает себя их явным источником. Это могут быть как исключительно

внутренние проявления в виде чувств, мыслей и т. д., так и внешние, т. е. осуществляемые посредством тела. Например, процесс выучивания стихотворения. Внутренние проявления моего «я» — это мои акты внимания, понимания, запоминания при стремлении выучить стихотворение. К внешним же проявлениям моего «я» относится, например, записывание выученного стихотворения.

Совсем иначе воспринимаются такие явления, как, к примеру, зубная или головная боль, жажда, усталость, голод. Не являясь проявлениями моего «я», они воспринимаются как «данные мне», исходящие из тела. К «данным мне» относятся также и определенные стремления, желания и в особенности то, что принято называть страстью. Страсть есть то, что способно полностью подчинять человеческое «я» и порождать поступки. Лосский приводит пример с пьяницей, который борется со своим желанием, смотря на стакан водки, а затем неожиданно для самого себя хватает и выпивает его.

Итак, мы поняли, что нормальное состояние душевной жизни обеспечивается единством человеческого существа, возможным благодаря тому, что множество низших деятелей, составляющих тело, подчиняются такому сравнительно высокому субстанциальному деятелю, как человеческое «я». Соответственно, ненормальные состояния душевной жизни возможны тогда, когда единство нарушается: тело начинает действовать автономно от воли и, следовательно, способно противодействовать ему. Такое «распадение» (телесности и воли) может выражаться в различных психопатологических случаях — от истерии до раздвоения личности.

Как мы видим, в центре психотерапии, как ее понимает Лосский, стоит вопрос: каким образом может осуществляться согласие между «я» (сознанием) и телом? Основное условие душевного и телесного здоровья, по Лосскому, заключается в том, чтобы «не враждовать со своим телом, но и не попадать в подчинение ему» (Лосский 1941: 287). Мы приняли положение, что тело есть совокупность существ, каждое из которых обладает хоть примитивной, но все же собственной волей. Опираясь на это положение, Лосский говорит о крайней непродуктивности такой тактики сознания, которая подразумевает категорические приказания телу. Наше тело совершенно естественно противится категорическим приказам, как им противимся мы сами, если нам кто-то приказывает. Поэтому принцип волевого усилия, в основе которого лежит насильственное стремление подчинить тело целям сознания, часто ведет не к достижению этих целей, а к обратному результату. Поэтому в случаях, когда разногласие между стремлениями «я» и тела ощущается непосредственно, Лосский предлагает обратиться к ресурсам такой внутренней способности, как воображение. Достижение согласия с телом должно происходить не столько посредством прямых приказаний воли, сколько через воображение, рисуящее «конкретные увлекательные образы достоинств, которые мы хотим воплотить в своем поведении». «Чтобы не подстрекать тело к свое-

волю, лучше влиять на него не приказанием, а живым представлением о ценной цели: представление всякой объективной положительной ценности переживается субъективно как нечто сопутствующее моими положительными чувствами, и эти чувства... особенно способны открывать другим существам замеченную нами ценность и пробуждать в них стремление к ней» (Лосский 1941: 291).

Православная этическая традиция присутствует в этой статье как бы между строк. Очевидно, что сама проблема овладения телом и порывами, исходящими от него, предельно важна для христианской аскетики. Лосский пытается показать крайнюю непродуктивность *игнорирования* телесных порывов и эффективность такой установки сознания, которая пытается как бы перенаправить, сублимировать этот порыв для исполнения неких «ценных» целей.

Проблеме ценности Лосский посвятил небольшую, но замечательную книгу «Ценность и бытие». Уверен, соединение положений статьи, о которой я рассказывал, с содержанием этой книги (соединение даже предполагается, ибо проблема «ценных» целей, посредством которых происходит переориентировка телесного стремления, в рамках данной статьи не выяснена) может быть плодотворной.

Литература

Лосский Н. О. (1991) История русской философии. М.: Советский писатель.

Лосский Н. О. (1941) Психология человеческого «я» и психология человеческого тела // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 17. С. 265–293.

Кант И. (1994) Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. Москва: Мысль.

5. Е. В. Аничков: взгляд на современную русскую поэзию

В начале XX в. в России произошел ряд коренных изменений, которые непосредственно затронули все сферы жизни общества тогда еще имперской России. Как известно, в период революции 1917 г., Гражданской войны и сразу после нее большое количество ученых, философов, писателей, военных и высокообразованных специалистов были вынуждены уехать из страны. Часть русских интеллектуалов была просто выслана на знаменитых «философских пароходах». Одним из вынужденных эмигрантов оказался и Евгений Васильевич Аничков — знаменитый российский филолог, историк литературы и критик. С 1918 г. он жил на территории современной Сербии. А в 1920 г. стал профессором Белградского университета. С октября 1955 г. являлся почетным членом и заместителем председателя Союза русских писателей и журналистов в Югославии. Одна из наиболее известных его работ, «Язычество и Древняя Русь», была написана и издана в 1914 г. еще в Петрограде. Корней Чуковский в «Обзоре литературы за 1911 год» отмечал: «...Аничков пишет всегда “стремглав”, будто

ринувшись в некую бездну, — но это-то в нем и похвально. Его статьи об Уайльде, о Золя, о Верлене кажутся вначале безоглядными какими-то импровизациями, и только потом, вчитавшись, увидишь, как все это обдуманно, сколько здесь познаний и какой широчайший захват» (цит. по: Фокин, Князева, 2017).

В данной работе я хотела бы обратиться к труду Аничкова «Новая русская поэзия», написанному уже в период эмиграции и изданному в 1923 г. в Берлине. Можно сказать, что это взгляд со стороны, однако автор внутренне не отдаляется от России, считает себя частью русской культуры.

В книге представлен достаточно подробный обзор всей современной прозы по направлениям и представителям. Первая глава посвящена Мережковскому, Минскому, Коневскому, Зинаиде Гиппиус и Александру Добролюбову. Эта глава озаглавлена «Новые веяния». Автор отмечает, что новые течения в искусстве поэзии всегда появляются таинственным путем, ведь «тут нет внешних зрительных особенностей, которые запечатлелись бы, а слуховые — смутны» (Аничков, 1923: 6). Этим определяется сложность работы с поэзией. В конце XIX в. в России было «не до поэзии», все внимание было приковано к Достоевскому. А в 1884 г. были закрыты «Отечественные записки». И в такой исторической ситуации появились два новых поэта: Мережковский и Минский. Они сознательно дистанцировались от предшествующих поэтических традиций, заявляя о себе как о новых поэтах. Аничков писал: «Новые веяния выросли в России из тоскливой пустоты душевной и нежелания заразиться трупным запахом, каким проникнута литература 80-х годов» (Там же: 10). Мережковский и Минский создали почву для появления поистине новых русских поэтов. Отдельно Аничков отмечал Ивана Коневского и Александра Добролюбова, поскольку они были лишены каких-либо литературных знакомств, верили в свои силы и шли собственным путем.

Новая поэзия отличается особой художественной атмосферой, необычным словоупотреблением и «небывало трудными образами». «Новые веяния» по-

Евгений Васильевич Аничков — литератор, писатель, мемуарист, преподаватель. 1908 г.

степенно стали синонимичны символизму и декадентству. Символизм впоследствии развивался как практически, в стихотворениях «новых» поэтов, так и теоретически. Один из поэтов — Зинаида Гиппиус с ее «Протяжной песней»: это произведение, как считает Аничков, ознаменовало собой возрождение русского поэтического слова.

Так зародилась новая русская поэзия. Еще одна глава, на которой хотелось бы остановиться подробнее, называется «Родное». Она посвящена творчеству Александра Блока и Андрея Белого. Текст начинается очень важными, на мой взгляд, словами: «Так давно повелось в русской литературе, что сначала — чужое или общечеловеческое, западное, наносное, а после — родное» (Там же: 93). То же самое можно отнести и к новой русской поэзии. В начале становления она еще не выражала всю полноту русской души, и лишь в творчестве Блока и Белого можно увидеть то, что характерно только для русского человека — его «родное».

Для творчества Александра Блока, по мнению Аничкова, характерно появление «древнего», исконно русского. Например, в «Незнакомке» поэт описывает «прекрасную даму», и перед нами образ русской женщины, поскольку он пишет:

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка.

Поверья эти, несомненно, принадлежат культуре Древней Руси. В этом произведении открывается неведомая, народная Россия, которая манит к себе, но все же остается недостижимой. А в творчестве Андрея Белого можно заметить смешение двух начал: «городского — интеллигентского, книжного, западного, и другого — деревенского — крестьянского, знакомого с детских лет» (Там же: 95). Оба — и Белый, и Блок — примкнули к революционной интеллигенции. Аничков называет их «пророками и певцами русской чисто интеллигентской революции» (Там же: 100). Он замечает, что родина для интеллигенции — это в первую очередь народ, а государственный патриотизм был чем-то стыдным, отсталым и в большинстве своем правительственным. Например, во время Русско-японской войны было принято замалчивать или даже отрицать государственный патриотизм, возобладало «пораженчество». Блок и Белый отвергали эту тенденцию, поэтому стали отверженными в литературном мире.

В последней главе, «Футиризм и годы революции», автор говорит о появлении футуризма в России и о его связи со сломом общественного уклада. Для этого художественного течения характерно разложение любых элементов выразительности на составные части. Нужно отметить, что футуризм ярче представлен в живописи, нежели в поэзии. Поэзия футуристов устремилась на ули-

цы, каждый его представитель себя переоценивал и считал «гением». Часть главы посвящена разбору творчества Маяковского. Аничков считает, что Маяковский «поддался соблазну и отдал свою музу на служение новой власти» (Там же: 135).

Автор не хотел принимать того, что произошло в России в 1917 г., и считал случившееся большой трагедией не только для нашей страны, но и для мира в целом. Большевизм, по его мнению, — показатель кризиса всей цивилизации.

В заключение хотелось бы отметить, что в работе «Новая русская поэзия» Евгений Васильевич Аничков показал путь становления той поэзии, которая только начала зарождаться в конце XIX в. Важно также отметить и ощущение причастности автора к русской культуре, в том числе к литературе. В работе не раз встречаются отсылки к творчеству российских классиков.

Можно сделать вывод, что автор не отделяет себя от России и эмоционально переживает случившуюся в нашей стране революционную драму, из-за которой был вынужден покинуть Родину. Он пытается понять, что привело к такому исходу событий и как литература отражала дух времени. Также стоит отметить, что для Аничкова, по крайней мере в этой работе, церковь не играет важной роли, большое внимание привлекает язычество, древние поверья. О православии он не говорит, скорее областью национальной идентичности для него являются культура и традиции Древней Руси. А закончить свою работу мне бы хотелось так же, как Аничков завершил свою, — стихотворением Есенина:

Погасло солнце. Тихо на лужке.
Пастух играет песню на рожке.
Уставясь лбами, слушает табун,
Что им поет вихрастый гамаюн.
А эхо резвое, скользнув по их губам,
Уносит думы их к неведомым лугам
Любя твой день и ночи темноту,
Тебе, о родина, сложил я песню ту.

Литература

Аничков Е. В. (1923) Новая русская поэзия. Берлин: И. П. Ладыжников.

Фокин П. Е., Князева С. П. (2017) Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX–XX веков. В 3-х томах. Т. 1 М.: Пальмира. Электронный ресурс [код доступа]: <https://7lafa.com/book.php?id=167291&page=16> (дата обращения: 28 февраля 2020 г.).

6. В. В. Зеньковский как основатель

Русского Христианского Студенческого Движения в эмиграции

Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962) — значимая фигура в русской эмиграции. Он известен как активный религиозный деятель, богослов, культуролог, педагог и философ. Здесь будет приведен анализ небольшого фрагмента из его «Очерка внутренней моей биографии», а также оценка работы Зеньковского в качестве религиозного деятеля и одного из основателей Русского христианского студенческого движения в эмиграции его коллегами. Необходимо отметить, что движение начиналось с небольших объединений, и духовным наставником белградского кружка стал Василий Васильевич Зеньковский.

С самого детства будущий философ был связан с религией: он писал, что был «религиозным мальчиком», однако увлечение работами Д. И. Писарева привело к тому, что он отошел от веры. Увлечение психологией, определившее дальнейший путь Зеньковского, началось благодаря книге Х. Геффдинга «Очерк опытной психологии». Тогда он всерьез задумался над тем, чтобы стать врачом, но сперва решил погрузиться в естественные науки, поэтому поступил на естественный факультет Киевского университета. Позже Зеньковский перевелся на филологический факультет и по окончании обучения остался в университете для подготовки к профессуре. В то же время он преподавал «Введение в философию» и «Психологию детства» на Женских курсах, позднее занял пост директора Института дошкольного образования. Благодаря пылкому увлечению философией Вл. С. Соловьева Зеньковский смог вновь вернуться в Церковь, а написание религиозно-философских фельетонов сблизило его с С. Н. Булгаковым.

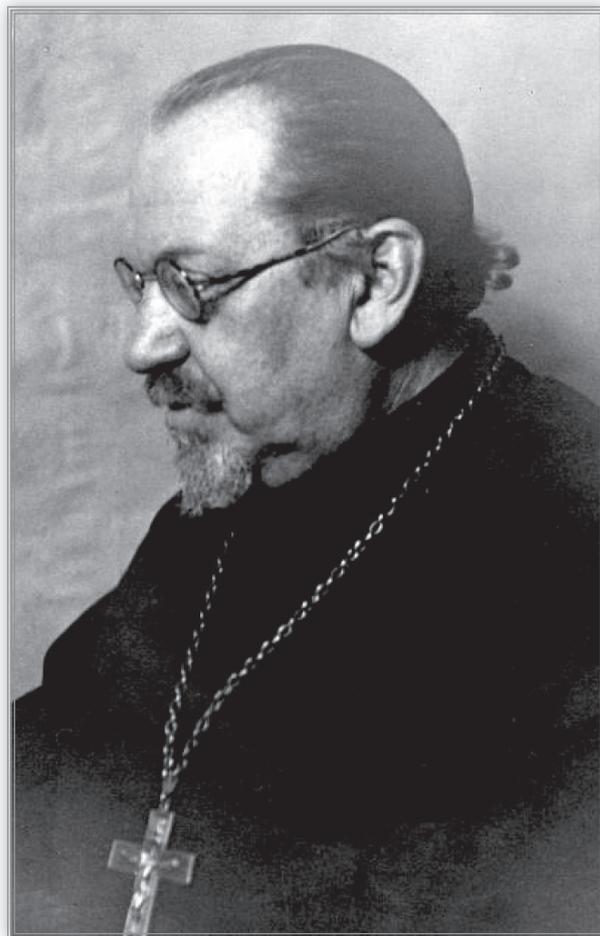
Зеньковский писал в «Очерке внутренней моей биографии» о том, что революция 1917 г. прервала его научные и литературные затеи и ему пришлось покинуть Россию в январе 1920 г. Философ признавался, что судьба складывалась тяжело. В Белграде его считали левым (что, по его мнению, не соответствовало действительности), а интриги коллег препятствовали его трудоустройству. Только благодаря содействию сербского патриарха Димитрия, указавшего на Зеньковского, ему удалось получить место профессора в Белградском университете сразу на двух факультетах: философском и богословском. Так начался долгий и интересный путь великого православного деятеля.

Белградский университет дал возможность не только получить образование русским студентам, но и устроиться на работу профессорам. Обстоятельства сложились таким образом, что период эмиграции совпал с началом деятельности православного богословского факультета, нуждавшегося в преподавателях. Одним из них стал Зеньковский. Работа в университете сблизила его с молодежью, в частности со студентом, выпустившимся из Белградского уни-

верситета, — Николаем Николаевичем Афанасьевым. Они поддерживали теплые отношения на протяжении долгого времени: Зеньковский позже пригласил его на должность в Религиозно-педагогическом кабинете в Париже. Примечательно, что могила Николая Николаевича Афанасьева находится недалеко от могилы Василия Васильевича Зеньковского на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Итогом пребывания Зеньковского в Сербии стало написание двух книг: «Психология детства» и по-сербски «Русские мыслители и Европа». Весной 1923 г. Василий Васильевич Зеньковский получил приглашение на Общеэмигрантский педагогический съезд в качестве председателя. После съезда было организовано Педагогическое бюро по делам зарубежной русской школы. Пришло приглашение от Высшего педагогического института в Праге, поэтому Зеньковский принял решение переехать. Однако отъезд не повлиял на работу Движения: в 1923 г. состоялся съезд русских религиозных кружков молодежи из различных стран, в которых находились эмигранты. Событие стало отправной точкой возникновения одного из крупнейших религиозных движений среди русских эмигрантов, важность которого переоценить практически невозможно. На протяжении многих лет движение занималось изданием журнала «Вестник РХД», распространявшегося на территории не только Европы, но и в США. Один из номеров посвящен уходу Зеньковского, в котором ученые, религиозные деятели, философы высоко оценивали его работу. Несмотря на раскол Движения в 1935 г. оно продолжало существовать и после Второй мировой войны.

Сближение с молодежью Зеньковский считал одним из главнейших событий пребывания в Сербии. Следствием его оказалось основание Русского студенческого христианского движения. Издатель И. В. Морозов указывал, что именно Зеньковский был основателем, вдохновителем и руководителем этого движения. Но философ Л. А. Зандер писал, что называть его создателем — неверно, поскольку движение возникло стихийно, само собой на местах. Дело в том,

Василий Васильевич Зеньковский

что молодые эмигранты стремились объединяться, потому что хотели обрести единство для преодоления трудностей — тяжести изгнания, скудного материального состояния, эмоционального потрясения после революции, Гражданской войны и эмиграции. Они нуждались в духовном пути и фундаменте, который позволил бы увидеть перспективу будущего.

Зандер отмечал: несмотря на то, что Зеньковского нельзя назвать основателем РСХД, он внес огромный вклад в его развитие, благодаря чему движение получило общеэмигрантский размах. Его заслуга заключалась в том, что ему удалось найти общий язык с молодежью и установить некоторую «идеологию», правила, структуру, которая служила прочным фундаментом для развития. Зандер вспоминал, что в частном разговоре отец Сергей Булгаков сказал, что на собраниях Движения появлялось то, что можно назвать духом объединения людей, ищущих правды. Зеньковский позволял Движению оставаться живым образованием, не заковывал его в жесткие рамки иерархии и структуры. Он не навязывал своего мнения, а искал общего пути: если он влиял на движение, то и движение влияло на него.

Создание движения невероятно вдохновляло Зеньковского, о чем упоминали авторы в выпуске «Вестника РХД» за 1962 г., многие статьи которого посвящены уходу философа. Зеньковский считал, что его задача — учить молодежь ощущать единство. Эта формула звучит как ответ на политическое потрясение, заставившее Зеньковского, как и многих других мыслителей, покинуть Родину. Выкрики демократических лозунгов, открытое голосование привели к тому, что люди перестали вслушиваться в «лучшие мысли».

**MATERIALS ON THE ROUND TABLE OF INTERNATIONAL
SUMMER SCHOOL “RUSSIAN EMIGRATION IN SERBIA.
PORTRAITS AND DESTINIES” ORTHODOXY: PRESERVING OF THE
NATIONAL AND CULTURAL IDENTITY OF RUSSIAN EMIGRATION**

Daniil Baboshin

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, student.
E-mail: baboshin2014@yandex.ru (1)

Anna Makarova

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, postgraduate student.
E-mail: anna.fed.mak@gmail.com (2)

Ekaterina Podobuyeva

National Research University Higher School of Economics, student.
E-mail: katrin-arabesk@yandex.ru (3)

Kirill Martemyanov

National Research University Higher School of Economics, student.
E-mail: martemyanov1996@bk.ru (4)

Polina Blinnikova

National Research University Higher School of Economics, student.
E-mail: polinablinnikova@mail.ru (5)

Maria Mironenko

National Research University Higher School of Economics, student (6)

Following the work of the Summer School two group projects were presented by its participants: “Russian Emigration — Consequence of the Civil War” and “Orthodoxy: Preserving the National and Cultural Identity of Russian Emigration.” The task for participants of round table on the second topic was to explore the fates of six Russian emigrants contributed significantly to the culture of Serbia.

Keywords: P. A. Kulakovsky, G. S. Petrov, E. V. Sectorsky, N. O. Lossky, E. V. Anichkov, V. V. Zenkovsky.

References

- Anichkov E. V. (1923) *Novaja russkaja poezija* [New Russian Poetry]. Berlin: I. P. Ladyzhnikov (In Russian).
- Baluhatyj S. D. (edit.) (1937) *M. Gor'kij i A. Chehov: Perepiska, stat'i i vyskazyvanija* [M. Gorky and A. Chekhov: Correspondence, Articles and Statements]. Moscow: Akademiya nauk SSSR. Institut literatury; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR (In Russian).
- Bakuncev A. V., Morozov S. N. (2018) I. A. Bunin i E. V. Spektorskiĭ: perepiska (1928–1933) [Ivan Bunin and Evgeny Spektorsky: Correspondence (1928–1933)], *Studia Litterarum*, 2018, Vol. 3, no 4, pp. 298–315 (In Russian). DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-298-315.
- Berdjaev N. A. (2007) *Padenie svjashhennogo russkogo carstva. Publicistika 1914–1922* [The Fall of the Sacred Russian Kingdom. Journalism 1914–1922]. Moscow: Astrel' (In Russian).
- Danchenko S. I. (2014) *K voprosu o publicisticheskoj dejatel'nosti P. A. Kulakovskogo* [To the Question of the Journalistic Activity of P. A. Kulakovsky], *Slavjane i Rossija* [Slavs and Russia], no 1, pp. 184–186 (In Russian).
- Danchenko S. I. (1989) *Russko-serbskie obshhestvennye svjazi. 70–80-e gody XIX v.* [Russian-Serbian Public Relations. 70–80s of the XIX Century]. Moscow: Nauka (In Russian).
- Fokin P. E., Knjazeva S. P. (2017) *Serebrjanyj vek. Portretnaja galereja kul'turnyh geroev rubezha XIX–XX vekov. V 3-h tomah. T. 1* [Silver Age. Portrait gallery of cultural heroes of the turn of the XIX–XX centuries], 3 Vols, Vol. 1. Available at: <https://7lafa.com/book.php?id=167291&page=16> (accessed 28 February 2020) (In Russian).
- Kant I. (1994) *Kritika chistogo razuma* [Criticism of Pure Reason] (transl. by N. O. Losskij). Moscow: Mysl' (In Russian).
- Losskij N. O. (1991) *Istorija russkoj filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Sovetskij pisatel' (In Russian).
- Losskij N. O. (1941) *Psihologija chelovecheskogo «ja» i psihologija chelovecheskogo tela* [Psychology of the human “I” and the psychology of the human body], *Zapiski Russkogo nauchnogo instituta v Belgrade* [Notes of the Russian Scientific Institute in Belgrade], Iss. 17, pp. 265–293 (In Russian).
- Mihal'chenko S. I. (2013) *Neopublikovannye «Vospominanija» E. V. Spektorskogo kak istochnik po istorii russkoj jemigracii v Chehoslovakii serediny 1920-h gg.* [Unpublished “Memoirs” of E. V. Spektorsky as a source on the history of Russian emigration in Czechoslovakia in the mid-1920s.], *Aktual'nye problemy istochnikovedenija: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. k 135-letiju so dnja rozhdenija V. I. Pichety* [Actual problems of source study: international materials. scientific-practical conf. on the occasion of the 135th birthday of V. I. Picheta], Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova, pp. 242–245 (In Russian).
- Mihal'chenko S. I., Tkachenko E. V. (2009) *E. V. Spektorskij v jemigracii* [E. V. Spektorsky in exile], *Slavjanovedenie* [Slavic studies], no 1, pp. 14–24 (In Russian).
- Rozanov V. V. (1995) *Narodnye chtenija v Peterburge* [Readings in St. Petersburg], *Sobranie sochinenij. Okolo cerkovnyh sten* [Collected works. Near church walls], Moscow: Respublika, pp. 303–308 (In Russian).

- Shemjakin A. L. (2013) Moskovskij professor o nezavisimoj Serbii. Platon Andreevich Kulakovskij v Belgrade (1878–1882) [Moscow professor of independent Serbia. Platon Andreevich Kulakovsky in Belgrade (1878–1882)], *Rodina [Homeland]*, no 12, pp. 47–52 (In Russian).
- Shemjakin A. L. (compl.) (2014) Russkie o Serbii i serbah. Tom II (arhivnye svidetel'stva) [Russians about Serbia and Serbs. Volume II (archival evidence)], Moscow: Indrik (In Russian).
- Vitte S. Ju. (1960) Vospominanija [Memories], 3 Vols, Vol. 1. Moscow: Socjkgiz (In Russian).
- Vituhnovskaja M. G. (2004) O Grigorii Petrove [About Grigory Petrov], Petrov G. S. Finljandija, strana belyh lilij [Petrov G.S. Finland, Country of White Lilies]. St. Petersburg: Evropejskij dom. Pp. 7–17 (In Russian).
- Zen'kovskij V. V. (1999) Istorija ruskoj filosofii [History of Russian Philosophy], 2 Vols, Vol. 2. Moscow: AST; Rostov-na-Donu: Feniks (In Russian).